

КАКЪ СЕБЪ ЖИВУТЬ
ВАСИЛЬ ВАСИЛИЧЪ СЪ МАРЬЕЙ
ВАСИЛЬЕВНОЙ.

Пошла коза со свѣтомъ на базарь, купить луку, петрушки, да маткиной душки; козель всталъ, велѣль поставить самоваръ — ждеть, пождеть — нѣтъ моей подружки! — Подпоясался, надѣль шляпу и вышелъ на улицу, козу поджидать, домой провожать. Ань глядь: ужъ провожатый нашелся. «Ну, говоритъ, стало быть я обучелся!»

Тряхнуль головой, помоталъ бородой — пошелъ плакаться на бѣду свою сосѣдкѣ; засталъ тамъ и другую пичугу въ клѣткѣ: сидить у коровушки овца — а коровушка была ей замѣсть роднаго отца. Позабылъ козель свойскую бѣду, разmemекался съ овцой про горохъ да лебеду — и видно бесѣда ему показалась; время ушло, — не видаль, какъсталось.

Пришла коза домой — ждать, пождать — все пусто, козла не видать. «Экой рогачъ!

ему дома не сидится; по горамъ, по доламъ, да съ молодыми козочками повозиться!» Оглянулся козель — а коза подъ окномъ, и глядить, не разсыпью, а глядить комкомъ... Простился съ овцой, коровушкѣ поклонился, выскочилъ въ окно — и ужъ радъ бы не бранился, — да коза виши пырнула рогами въ бока, «проучу, говорить, таскаться дурака.» Онъ на нее, она на него — бралились долго, а нѣть толку ничего. Пришли домой: «Макаръ, а Макаръ! готовъ ли намъ самоваръ?» — Макара нѣть, самовара нѣть; былъ ли не былъ, а ужъ слѣдъ простылъ.

«А гдѣ нашъ лукъ? а гдѣ петрушка?» Бѣжитъ Макаръ, вислоухая чушка, хрюкаетъ, въ землю глядить, самъ ничего не говорить. Лукъ, петрушку съѣль, самоваръ проглядѣль, а бѣгалъ по сосѣдству къ какому-то хаму, — скучаться, говорить, въ помойную яму.

Давай бить Макара: такъ заступилась хозяйка его Аксинья, супоросая свинья, стряпуха на ботвинье, на тюрю, на окрошку, на такое блюдо, гдѣ всего

понемножку; — буренушка сосѣдка заступилась за козла; Машка—коза верблюда привела, — а верблюдъ—то и провожалъ ее съ базару. Отъ крику дымъ коромысломъ, ровно съ пожару; сосѣди кричать: «поддайте пару!» захрюкали у Аксиньи восемнадцать поросятъ — и всѣ кричать и ревутъ и шумятъ... Пришелъ городовой, въ тонкой фуражкѣ — большой песъ меделянской, по прозванію Хватайлло, а съ нимъ и борзой и гончій Шукайло; — козу въ мѣшокъ, да въ лубокъ, да подъ лавку: козла тудажъ, да и верблюда на прибавку; Макаръ съ Аксиньей поплатились щетиной; буренушку обругали, назвали скотиной, а овца, на чужомъ пиру съ похмѣлья, взята ужъ за одно — для общаго веселья.

Мететь улицу козель и хвостомъ вертить; подметаетъ и коза на него не глядить; буренушка жвачку жуетъ, лопатой загребаетъ; овечка плачетъ, отъ людей стыдъ хоронить, куда глядѣть не знаетъ; верблюдъ морду отворачиваетъ, словно понюхалъ табаку — а козлу не новинка, онъ

битъ бываль на вѣку. Городовой тутъ же присѣль, для порядку, щетки вяжеть изъ щетинки, что сорвалъ съ Аксиньи, съ Макара, да съ какой–то третьей свинки.

Козель нашъ причисленъ нынѣ къ черному народу, но дѣдъ у него былъ не простаго роду: однодворецъ, изъ панцырныхъ бояръ, а потому и внукъ вышелъ весельчакъ, скрыпачъ и гусляръ. Съ него, однакожъ, ни шерсти, ни молока, — отпустили домой дурака. Онъ прямо за чарку, за балалайку; заложиль бѣгуна въ таратайку; пошелъ съ горя пить да кататься, сталъ хмѣльнымъ дѣломъ, да пѣснями заниматься. Гуляетъ день деньской съ утра до обѣда, — нашелъ, вишь, маслянку среди мясоѣда!

Пошла коза — а и она не изъ простыхъ: изъ посадскихъ — пошла по людямъ, искасть утѣшеній братскихъ, плакать по мужѣ — «такой–де козель, что нѣть его хуже. Съ той поры, говорить, какъ взяли его на расправу, человѣкъ сталъ совсѣмъ крутаго нраву; не то мало били, не то испортили молодца, — а все кто? все, чайть, овца!

Такая дѣвка озарница, ужъ вотъ въ мать пошла да въ отца!» Поправила коза на себѣ юпку да платокъ, пошла дальше, къ сосѣдямъ, протверживать урокъ.

Лежить козель въ потьмахъ на печи; нѣть дома ложки, ни плошки, нѣть свѣчи. Одурѣлъ, голова болить, хозяйка ворчитъ, на душѣ мутить. Теперь бы ему соленый огурецъ, да хрѣну, — такъ и заикнуться не смѣеть; молчить, да постукиваетъ, лежа, рогами въ стѣну. Что было въ карманѣ, Васька все прогуляль; поясъ да ключъ отъ сундука потеряль: по этому случаю онъ и пріостановился, остепенился. Пришелъ городовой, просить на чай: «не скучись, говорить, Василь Василичъ, подай; хлопотъ было много и съ ней и съ тобой; что дѣлать станешь, на то я городовой.»

И всѣ остались такимъ слuchаемъ довольны: Макаръ съ Аксиньей, — что не дали ихъ бить; Васька козель — что самъ пересталъ пить, что остались еще на спинѣ пробѣлы, что ключъ потеряль, да деньги цѣлы. Машка—коза, — что мужъ дома сидить, на овцу и не глядитъ, жену не

быть, не бранить, а самъ про себя молчить; доволенъ и воришка, что самоваръ утащилъ — и приставъ доволенъ, что дешево его купиль; остался доволенъ и городовой: у него дѣло чужое, а умъ видно свой, поднесла Марья Васильевна ему полынной, да Василь Василичъ поблагодариль, даль пяти—алтынныи. И пошло опять дѣло на ладъ, живутъ себѣ Васька съ Машкой никой кладъ.

В. ДАЛЬ